

Лопатин В.А.

«ВОРОНЕЖСКИЙ» ВЕКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОКРОВСКОГО ТИПА НА ВОЛГЕ

В Поволжском регионе памятники покровского типа диагностируются по целому ряду признаков погребальной обрядности (левобочная адорация, северные ориентировки, смещение скелета к западной стенке) и составу инвентаря (наконечники копий с манжетами и ушками на втулках, щитковые псалии с треугольными планками и без бокового выреза, ножи с ромбической пяткой черешка, дрововые и желобчатые браслеты, круглые и овальные подвески в 1,5 оборота, сурьмяные и фаянсовые бусы, ромбические и треугольные медальоны-подвески) [Малов, 1991; Он же, 1992-а. С. 130–132]. Ведущая роль в идентификации принадлежит керамике, причем это сосуды, чаще всего имеющие характерные абашевские черты (колоколовидность формы, внутреннее ребро, примесь раковины, расчесы на тулове), что особенно существенно в работе с фрагментированным материалом поселений, где, как правило, все прочие признаки «покровска» не представлены. Иногда покровские сосуды демонстрируют причудливую эклектику форм или орнаментов, что вполне объективно расценивается исследователями как признак межкультурных взаимодействий и явлений синкретизма в ходе становления покровского феномена, или очень широкой контактности. Безусловно, подобные комплексы чрезвычайно важны в исследованиях глубокого по времени и сложного по многокомпонентности генезиса культур, открывающих своим появлением эпоху поздней бронзы.

Цель представленной работы заключается в попытке проследить возможные варианты происхождения некоторых керамических типов покровского комплекса. Они вызывают любопытство, прежде всего, в связи с необычностью формовки венчиковых отделов сосудов. Побудительным мотивом к началу этой работы послужил один подкурганый комплекс (рис. 2, 1–13), к анализу характеристик которого и следует обратиться вначале.

Курган на границе Энгельского и Советского районов в Саратовском Заволжье (рис. 1, 1) был раскопан И.И. Дремовым и И.В. Семеновой в 1997 году. Это самая крупная насыпь в курганном могильнике, который стоял на водоразделе между р. Большой Караман и его притоком – р. Грязнухой. Диаметр насыпи составлял 20 м, высота над современным уровнем распаханной

террасы – 1,5 м [Дремов, Семенова, 1999. С. 55]. В кургане выявлено 8 погребений, в том числе захоронения, относящиеся к РЖВ, но нам интересен ряд могил раннего строительного горизонта (пп. 3, 4, 6). Подкурганная планиграфия явно демонстрирует их обрядовую связь: погребение 6 – центральное и основное (криволукского типа в подбойной могиле) в южных секторах сопровождалось покровскими подхоронениями №№ 3 и 4, а также двумя ритуальными комплексами (п. 8 и автономная гризна в яме).

В целом, в этой ситуации нет ничего необычного, поскольку на данном срезе поликомпонентного культурогенеза памятники археологии отчетливо фиксируют активное взаимодействие посткатакомбных и покровских групп населения в Поволжье. Здесь, как и повсеместно между Волгой и Уралом, а также на севере Волго-Донья, различные памятники покровского типа относительно одновременны финальнокатакомбным и посткатакомбным комплексам – криволукским, бабинским, позднелюлинским и степным «волго-уральским» [Мимоход, 2010. С. 67–82]. Их контакты, сращивания и взаимные аккумулярации определяли некоторые своеобразия формирования и дальнейшего развития ранних вариантов будущей срубной культурно-исторической общности.

В кургане на р. Грязнухе основа комплекса представлена погребением посткатакомбного типа (№ 6), в овальной могиле со ступенькой и подбоем в восточную сторону, скорченное на левом боку в позе «скачущего всадника», безынвентарное, с костями МРС перед умершим. Покровские погребения (№№ 3 и 4) расположены несколько юго-восточнее, рядом друг с другом, в прямоугольных ямах, где скелеты подростков лежали около западных стенок, в слабоскорченной левобочной адорации, по направлению к северу и ССВ [Дремов, Семенова, 1999. С. 61, рис. 2]. В этом же южном полукольце свиты основного захоронения, вероятно одновременно с покровскими подхоронениями, были оставлены два комплекса ритуального сопровождения – череп ребенка в яме под деревянным перекрытием (№ 8) и гризна (череп и ноги лошадей и МРС в грунтовой яме) [там же. С. 58, рис. 1]. Комплекс весьма интересен уже в этом обрядовом контексте, но нам необходимо сосредоточиться на инвентаре из двух покровских захоронений.

В обоих погребениях есть пастовые бусы белого цвета (рис. 2, 4, 5, 8–12), что весьма типично для покровского времени, но отмечалось, что они могут встречаться и в раннесрубных материалах [Малов, 1992б. С. 46]. Уникальна пронизка из третьего погребения (рис. 2, 3), которая вместе с бусами входила, вероятно, в состав ожерелья. В авторской трактовке И.И. Дремова и И.В. Семеновой она представлена как пастовая, но на самом деле анализ этого предмета, хранящегося в фондах Энгельсского музея, показал, что пронизка изготовлена из тонко ошлифованного кусочка керамики. На нем заметна цветовая двуслойность по границе обжига на внешней поверхности. Точный аналог этому типу украшений мне не известен, но не исключено, что пронизка может быть неким подражанием кавказскому лепестковому бисеру.

Наиболее интересна керамика. В этом наборе (рис. 2, 1, 2, 6, 7, 13), как представляется, отчетливо заметна тенденция формирования на ранней фазе развития «покровска», когда в культурогенезе были заняты многие, самые разнообразные культурные компоненты. Авторами первой публикации это

было замечено, но без подробного анализа сосуда Грязнухи декларативно квалифицированы, как «покровские с *вольскими* чертами». Очевидно, авторы ориентировались на общее (заметим, весьма отдаленное) сходство форм и некоторых элементов орнамента этих сосудов с вольскими показателями, а именно, на сложное строение профилей и характерные удлинненно-овальные оттиски, построенные горизонтальными рядами. Прежде всего, следует, все же, отметить, что в хорошо известных комплексах вольско-лбищенского типа [Степанов, 1956; Васильев, 2003; Малов и др., 2009] абсолютных аналогов сосудам Грязнухи нет. Они заметно отличаются от вольской классики по размерам и пропорциям, а также значительно упрощены по организации орнаментального поля, элементы декора выполнены небрежно. Вместе с тем, нельзя отрицать и того факта, что здесь мы имеем дело, если не с деградирующей традицией, то уж определенно с подражательной репликой в манере лепки и украшения керамики. Это нечто иное как подражание керамическому канону определенного круга культур лесостепного региона между Волгой и Доном, последовательно развивавшихся с энеолита до рубежа средней и поздней бронзы. Только в этих культурах имеются сосуды с самыми сложными, многочастными профилями.

Суть указанной сложности заключается в том, что геометрическая модель фронтального изображения такого сосуда (рис. 3) содержит максимальное среди всех известных керамических форм бронзового века количество простых фигур (четыре). В авторской систематизации керамики срубной культуры мною были выделены три категории сложности форм сосудов: 1 – открытая банка, в геометрическую модель которой вписывается всего одна фигура (трапеция); 2 – закрытая или биконическая (реберчатая) банка (две трапеции, стыкующиеся основаниями); 3 – остросеберные и округлобокие горшки, фронтальные модели которых содержат по три трапеции [Лопатин, 1991. С. 43–44, рис. 1]. Особую сложность некоторым сосудам вольской, иванобугорской, примокшанской, воронежской культур и, как это очевидно по материалам кургана Грязнухи, некоторым редким сосудам покровского типа придает необычная форма венчика, имеющего двучастный («ломанный») профиль.

Проведенный обзор археологических комплексов, в которых имеются сосуды с многочастными профилями, показал, что эта керамика неоднородна, всю группу таких форм можно разделить на три варианта. Первый вариант – сосуд с двучастным венчиком прикрытого профиля и рельефным желобком на внутренней поверхности (рис. 3, А). Второй вариант – венчик двучастного прикрытого профиля с прямой внутренней поверхностью (рис. 3, Б). Третий вариант – двучастный венчик с вертикальной профилировкой верхнего отдела (рис. 3, В). В этой схеме очень важно придерживаться унифицированной терминологии, адресованной важнейшим типобразующим частям и линиям фронтальной модели сосуда (рис. 3, А), которая была конкретизирована в работе, посвященной Смеловскому могильнику [Лопатин, 2010. С. 61–63]. Применительно к рассматриваемому типу керамики необходимо отчетливо фиксировать основные линии устья (D 1), шейки (D 2), максимального расширения тулова (D 3), днища (D 4), маркированные широтными индексами, а также основные части – двучастный венчик (H 1), пле-

чо (Н 2), придонная часть (Н 3), маркированные высотными индексами. Показатель двучастности венчика уместно дифференцировать на варианты (Н 1.1 и Н 1.2), где выделяются верхний отдел венчика, завершающийся линией устья, и нижний отдел, начинающийся от линии шейки. Подобный подход принципиально важен, поскольку дробные характеристики отражают суть формы сосуда.

Выборка керамических артефактов, в которых представлен искомый признак (сложные многочастные профили), условно следует разделить на группы по принципу культурной принадлежности, поскольку это немаловажно в контексте конкретизации культурно-генетической векторности процесса, отчасти отражающего становление покровского культурного типа. Особо отметим, что индикатором в данном анализе, прежде всего, является именно наличие сложного профиля сосуда. В качестве дополнительных признаков выступают некоторые элементы орнаментации.

Группа покровских сосудов со сложными профилями, идентифицируемых по комплексу показателей (погребальный обряд, керамическая технология, сопроводительный инвентарь), является производной, вобравшей искомый признак в ходе генезиса. Прочие группы (вольско-лбищенская, финальнокатакомбная, воронежская) формально должны быть признаны исходными, активно влиявшими на становление «покровска» в сложных процессах культурогенеза, многокомпонентных взаимодействиях посткатакомбного и постшнурового миров. Чтобы сориентироваться в векторах воздействия на формирование раннепокровской эклектики, верно определить истоки тех или иных элементов формообразования и декора, следует, очевидно, вначале проанализировать показатели исходных групп керамики, в которых представлены сложные многочастные профили.

Вольско-лбищенская группа сосудов, отобранных фронтальным обзором, является наиболее архаичной. Последними исследованиями эти комплексы синхронизированы с памятниками полтавкинско-катакомбного времени [Васильев, 2003. С. 113–115; Малов и др., 2009. С. 30]. Но высказывалось также мнение о неоднородности и неодновременности вольско-лбищенского комплекса [Лопатин, 2010-а. С. 132]. Эта проблема требует тщательной проработки, прежде всего сравнительного анализа керамических комплексов Попова Блюдечка и Лбища, которые, вероятно, отражают два последовательных этапа в развитии.

В этой группе сосуды со сложными профилями выявлены в материалах поволжских городищ – Ахматского (рис. 6, 2, 4)¹, Вольского (рис. 7, 4, 14–18) [Малов и др., 2009. С. 36, рис. 3, 3; С. 40, рис. 7, 3; С. 38, рис. 5, 7; С. 35, рис. 2, 6; С. 39, рис. 6, 16; С. 37, рис. 4, 9], Лбищенского (рис. 7, 8–11) [Васильев, 2003. С. 113, рис. 1, 5, 6, 9, 10], Алексеевского (рис. 7, 3, 12, 13) [Мальшев, 2008. С. 314, рис. 3, 14, 15, 17], Даниловского (рис. 7, 5) [Лапшин, 2003. С. 261, рис. 4, 4]; на поселениях Мартышкино (рис. 6, 5, 6) [Лопатин, 1992. Рис. 25, 5; Он же, 1993.

¹ Неопубликованные, по большей части, материалы сборов на Ахматском городище и поселении Мартышкино хранятся в фондах Саратовского областного музея краеведения: 1912 г. – Ф.Н. Охлябинин, Б.В. Зайковский, С.А. Щеглов – инв. № 2020 (рис. 6, 1); 1912 г. – А.А. Спицын, В.И. Онезоре – инв. № 17073/1 (рис. 6, 3); 1965 г. – Ю.В. Деревягин, Д.С. Худяков – инв. № 2657 (рис. 6, 2, 4).

Рис. 36, 3; Он же, 2005. Рис. 224, 8], Сосновка (рис. 7, 1) [Малов и др., 2010. С. 56, рис. 2, 14]; в кургане Владимировка-II (рис. 7, 19) [Скарбовенко, 2006. С. 289, рис. 3, 3].

Венчики сосудов разнообразны: как правило, прикрытые, ломаного профиля, иногда с внешними утолщениями типа воротничков, нередко скошенные наружу. Дополнительной и очень важной спецификой этой керамики, кроме характерного профиля, является орнаментация, позволяющая идентифицировать ее именно как «вольскую». Элементы декора – короткие оттиски зубчатого или гладкого штампа, построенные частыми горизонтальными рядами, иногда с разделительными линиями. Они составляют сложные «ковровые» композиции, включающие зигзаги (простые, штрихованные, с «бахромой»), косые «лесенки», «елочки». На некоторых фрагментах отмечены горизонтальные ряды пальцевых защипов (рис. 7, 14, 15), но это представляется инородным элементом, более характерным для орнаментального арсенала воронежской керамики.

Финальнокатакомбная группа сосудов невелика, в контексте нашего вопроса она привлекается, прежде всего, в связи с соответствием искомому признаку показателей форм, но характерно также, что их орнаментация чрезвычайно близка вольской традиции. Это сосуды небольших размеров из грунтового могильника Белогорское-I (рис. 7, 20, 21) [Дремов, 1996. С. 105, рис. 4, 3; С. 108, рис. 6, 2], кургана у поселка Советское (рис. 7, 22) [Баринов, 1996. С. 92, рис. 3, 4], а также фрагмент сосуда из Сосновки (рис. 7, 2) [Малов и др., 2010. С. 56, рис. 2, 13], украшенного оттисками крученого шнура, но в манере, близкой вольскому узкозональному принципу организации декора (ряды коротких отрезков с разделительными линиями).

Воронежская группа сосудов наиболее интересна, поскольку их профили максимально полно соответствуют характеристикам нашего искомого признака. Эта керамика выявлена на городищах и поселениях Среднего Дона: Мостищенском-2 (рис. 5, 1) [Синюк и др., 2001. С. 75, рис. 53, 8], Аверинском (рис. 5, 2, 3) [там же. С. 84, рис. 60, 5, 6], Животинном (рис. 5, 4, 5) [Пряхин, 1982. С. 102, рис. 31, 1; Пряхин, Беседин, 1988. С. 95, рис. 3, 10], Архангельском (рис. 5, 6) [Пряхин, 1982. С. 108, рис. 33, 10], Шиловском (рис. 5, 7, 10) [там же. С. 39, рис. 9, 1, 7], Елецком (рис. 5, 8) [там же. С. 124, рис. 41, 14], Воргольском (рис. 5, 9) [там же. С. 120, рис. 39, 5]. Следует отметить, что в материалах воронежской культуры содержание сосудов с многочастными профилями не столь велико, а в целом керамический комплекс выглядит весьма эклектичным, причем, многообразие заметно как в формах, так и в орнаментике.

Осмысление проблемы воронежской культуры началось в 70–80-х гг. XX столетия. Этому предшествовали большие масштабные исследования бытовых памятников эпохи бронзы в бассейне Среднего Дона, и поначалу оригинальная лепная керамика яйцевидных форм соотносилась с катакомбной, бабинской и абашевской культурами, отдельные черты которых исследователи отмечали в оформлении профилей и характере орнаментации [Беседин, 1981. С. 147].

Результаты раскопок пойменных поселений и высокорасположенных городищ, системный анализ полученных материалов были изложены в монографическом исследовании А.Д. Пряхина, где автор предложил выделить

оригинальную «воронежскую» археологическую культуру², поместив ее собственную диахронию в первой половине II тыс. до н. э. [Пряхин, 1982]. Восприятие своеобразий и яркой эклектики воронежских памятников формировалось у исследователей лесостепного Подонья в более обширной системе оценок среднедонской катакомбной культуры, где все комплексы рассматривались как поселения катакомбного времени. Это позволило проследить активную динамику в контексте всей сложной эпохи и выявить тенденции кристаллизации посткатакомбных векторов культурогенеза.

Однако в вопросе о выделении новой культуры возникали и сложности, которые очень скоро приобрели историографический характер. Некоторые исследователи считали нецелесообразным выводить «воронежские» комплексы из привычного алгоритма и предлагали включить их в финальный этап развития среднедонской катакомбной культуры [Матвеев, 1982. С. 15; он же, Тихонов, 1984. С. 59]. Другие рассматривали их в рамках пережиточной энеолитической эпохи, в частности, как заключительный этап развития иванобугорской культуры конца III тыс. до н. э., испытывающей влияние среднедонских катакомбников (два погребения Сасовского могильника) [Синюк, 1984. С. 118], или смешанный субстрат, формировавшийся под воздействием ямной, репинской и среднестоговской культур (Погорелов, 1984. С. 150).

Позже А.Т. Синюк обосновывал свои несколько изменившиеся наблюдения на материалах новых памятников и, прежде всего, мостищенских комплексов, теперь уже связывая воронежские и иванобугорские признаки, как генетическую преемственность [Синюк, 1993; Он же, 1999. С. 40; Синюк, Березуцкий, 2001. С. 88–90]. Согласно этой версии иванобугорская культура, связанная в общем нео-энеолитическом эпохальном контексте с миром шнуровых культур, в некоем «пережиточно-энеолитическом» состоянии существует параллельно с культурами прогрессивно-скотоводческого степного мира, находится под влиянием ямной культуры, а ее трансформация начинается в результате контакта с ранней среднедонской катакомбной культурой и завершается к концу III тыс. до н. э. Автор оперирует термином «воронежские» памятники, но характер преемственности иванобугорских и воронежских комплексов (две разные культуры, или два этапа одной иванобугорской) для А.Т. Синюка не принципиален. Реальные различия в керамике (круглодонность и плоскодонность), а также в системе хозяйства (присваивающее и производящее), весьма заметны, но и сходств достаточно: «суть их – отражение сходных этногенетических процессов, протекавших по всей зоне Восточноевропейской Лесостепи» [Синюк, Березуцкий, 2001. С. 90].

Задолго до этого, к концу 80-х годов А.Д. Пряхин и В.И. Беседин окончательно конкретизировали культурные особенности новой группы памятников и показали их своеобразие в сравнительном анализе поселенческих и погребальных комплексов, выявленных на широкой территории Среднего и Верхнего Подонья, одновременно очертив круг смежных культур, с которыми «воронежцы» взаимодействовали в едином пространстве и времени [Пря-

² Во избежание терминологической путаницы следует иметь в виду, что Д.Я. Телегин в тот же период на материалах неолита Верхнего и Среднего Дона выделял т.н. «воронежский тип» памятников с накольчатой и накольчато-ямочной керамикой [см.: Котова, 1984. С. 130].

хин, Беседин, 1988; Они же, 1988-а. С. 90-109]. Особенно важны авторские стратиграфические наблюдения, на основании которых воронежские памятники помещались между развитыми среднедонскими катакомбными и лесостепными срубными комплексами, синхронизировались с ранним этапом доно-волжской абашевской культуры и таким образом представляли в регионе постшнуровой культурный горизонт [Пряхин, Беседин, 1988-а. С. 93].

По известным памятникам отмечена явная диспропорция между поселенческими и погребальными комплексами. Среди первых заметно преобладают высокорасположенные места обитания с полуземляночными и наземными постройками, а пойменные поселения незначительны и, скорее всего, это были сезонные стойбища. Погребений известно немного, но отмечено, что они могут быть как грунтовыми, устроенными непосредственно на поселениях, так и подкурганными (здесь также наблюдается диспропорция в пользу последних). Погребальный обряд весьма оригинален – ингумация в грунтовых ямах, вытянуто на спине, или слабоскорченно на боку, головой к югу или юго-западу. Могилы перекрыты бревнами, на дне ямы могут встречаться органические подстилки и пятна охры, в качестве инвентаря – керамика, изредка металлические украшения (пластинчатые браслеты с приплюснутыми расковкой окончаниями, очковидные подвески, витые гривны, налобные полусферические бляшки), а также кремневые ножевидные пластинки, каменные полированные пестики, бронзовые шильца [там же. С. 95, рис. 3].

Несколько различны керамические комплексы раннего и позднего типов. Для сосудов первого этапа воронежской культуры (Шиловское, Семилукское) характерны широкое разнообразие форм (горшки, слабопрофилированные сосуды вытянутых пропорций, банки, чаши) и типов оформления венчиков (с плоским, округлым, скошенным обрезом устья, с воротничками³), среди которых есть оформленные изнутри ребром, а также с орнаментом на внутренней поверхности. Орнаменты разнообразны и многозональны. Они выполнены различными элементами (защипы, вдавления, прочерченные линии, оттиски гребенчатого и гладкого штампа, отпечатки шнура, валики), образующими ряды, линии, «елочки», «паркет», штрихованные треугольники.

В поздних комплексах (Животинное, Малое Боршевское) наблюдается упрощение керамики – уже нет сосудов с желобчатыми приостренными венчиками, редкими становятся многозональные орнаменты, композиции декора набраны однотипными мотивами, исчезают валики и оттиски шнура, возрастает роль вдавлений и насечек, защипы выполняют в орнаментации функции вспомогательных элементов, зубчатый штамп вытесняется гладким. Изменения наблюдаются и в технологии подготовки керамического начина, наряду с мелким песком, в качестве отощителей, встречаются толченая раковина и шамот [там же. С. 97-98].

Среди исчерпывающих характеристик вещевого комплекса очень важно наблюдение, которое касается культуuroобразующего значения такой категории, как каменные усеченно-конические сверленные топоры. С одной сторо-

³ Среди воротничковых вариантов можно выделить компактную группу сложных двучастных венчиков (наш искомый признак).

ны, встречающиеся в лесостепном Подонье только на воронежских поселениях, они характеризуют здесь именно эту постпшнуровую культуру. С другой стороны, топоры «усеченно-конических» (по определению Д.А. Крайнова) форм [Крайнов, 1972. С. 38–61] могут указывать на непосредственное влияние фатьяновской (или еще более древней лесостепной?) традиции в изготовлении известных воронежских предметов вооружения и орудий труда из камня (топоры, наконечники копий, дротиков, стрел, жатвенные ножи и серпы).

Разделяя воронежские комплексы с катакомбными и абашевскими, то есть, абсолютно исключая их единокультурность, авторы, тем не менее, допускают определенное влияние последних на процессы развития воронежской культуры. Если среднедонская катакомбная культура, скорее всего, участвовала в становлении «воронежцев», то волго-донская абашевская, на втором этапе, оказывала на них ассимилирующее воздействие [Пряхин, Беседин, 1988а. С. 104]. Кроме того, отмечены многие черты сходств и различий воронежской культуры с синхронными культурами постпшнурового горизонта сопредельных территорий – средневожской фатьяновской (балановской), а также сосницкой (Поднепровье), и в этом вопросе авторы настаивают на большем сходстве воронежских комплексов с сосницкими. Категорически отвергая любые возможности преемственности с иванобугорской культурой, они склонны предполагать происхождение воронежского типа памятников от среднеднепровской культуры [там же. С. 106–108].

Свыше ста памятников воронежской культуры сосредоточены, в основном, в лесостепном регионе, по берегам Среднего и Верхнего Дона, а также на донских притоках. На западе они известны на реках Сейм и Псел, северные памятники отмечены на южных притоках Оки, на востоке локализация ограничивается бассейном Хопра, южные пределы совпадают с границей лесостепи [Пряхин, Беседин, 1988а. С. 91]. Разумеется, анализируя проявления воронежских черт в формообразовании раннепокровской керамики, обнаруженной в курганах степного Заволжья, необходимо проверять возможности проникновения этих западных культурных признаков так далеко к востоку. А.Д. Пряхин и В.И. Беседин отмечали неясность ситуации с распространением воронежской культуры в этом направлении, самыми восточными на их карте помечены два поселения на Хопре – Никольевка и Алмазово⁴. Но, как показал фронтальный обзор известных памятников с материалами эпохи средней бронзы, хопровским рубежом восточное распространение воронежских культурных черт не ограничивается.

Учитывая исключительность погребальных комплексов воронежской культуры, отметим вначале немногие памятники этого типа и, в частности, захоронение из Песковки, обнаруженное в Жирновском районе Волгоградской области (рис. 4, 5–6) [Дворниченко и др., 2006. С. 20, рис. 7, 2–3]. Здесь, в сложно стратифицированном кургане № 2 могильника Песковка-1, в погреб-

⁴ В последнее время открыт еще один интересный пункт – городище Гривки, расположенный в 60 км выше этих двух памятников по течению Хопра, в Турковском районе Саратовской области. Не так давно, также в Прихоперье, представительная коллекция воронежской керамики с признаками абашевского влияния была получена раскопками А.А. Хрекова на поселении Разнобрычка (материалы хранятся в Саратовском областном музее краеведения).

бении 2 зафиксирован неполный скелет⁵ взрослой женщины, похороненной вытянуто на спине, головой к югу. Авторы раскопок предположительно отнесли эту могилу к сарматскому времени, хотя никаких предметов, указывающих на РЖВ, здесь не найдено. Но лепной сосуд с двумя рядами пальцевых защипов, фрагменты которого собраны в заполнении центрального скопления могил (рис. 4, б), совершенно верно отнесен ими к финалу эпохи средней бронзы и, в частности, сопоставляется с показателями воронежской культуры [там же. С. 9-11]. Правда, отметив полную идентичность в строении формы, исследователи указали на обедненный характер орнамента, в связи с чем посчитали этот сосуд местной репликой. В публикации отмечено, что горшок мог происходить из более древнего разрушенного захоронения, как считают авторы – криволюкского типа, включившего в свой комплекс реплику синхронной воронежской культуры. Данный вывод представляется не вполне убедительным, в то время как южная ориентировка и вытянутое положение скелета на спине из второго погребения нисколько не противоречат описанным обрядовым характеристикам воронежской культуры. Воронежское погребение 2 могло быть сопроводительным подхоронением к катакомбному или абашевскому разрушенному комплексу. Как бы то ни было, для нас весьма небезынтересно, что этот материал выявлен далеко к востоку от коренной локализации воронежских памятников, причем, в открытой степной местности.

Типично воронежская малая чаша с уплощенным дном и защипами обнаружена в заволжской Шумейке. Здесь она зафиксирована в детском погребении 4 кургана № 1 [Юдин, 2007. С. 172, рис. 2, 5-6]. Примечательно, что ребенок был погребен на спине, в слабо скорченной позе, головой к ССВ, а в примеси сосуда присутствовала толченая раковина. Авторская трактовка связывает этот сосудик с ямно-катакомбными традициями западных, относительно Поволжья, областей и, в частности, с лесостепным регионом Среднего Дона. В качестве репликанта воронежской культуры эта находка не рассматривается, хотя здесь было бы уместно предположить не пережиточную ямную, по мнению автора, а абашевскую атрибуцию погребального обряда в детском захоронении 4 (слабая скорченность на спине, головой к ССВ). В таком случае сосуд воронежского типа вполне совместим с колонкой стратиграфии, где погребение 4, в котором он найден, следует за позднекатакомбными комплексами погребений 1, 2, 5 или даже им синхронно. Из этого следует, что носителями отдельных элементов воронежского типа, транслированных на Волгу, могли быть, в числе прочих культуртрегеров, и абашевские племена.

Довольно близкий вариант подобной трансляции можно отметить по материалам Низовского курганного могильника, где во впускном разрушенном погребении ребенка (курган № 1, погребение 4) обнаружен неполный развал сосуда позднепокровского типа, украшенного в воронежском стиле –

⁵ Погребение 2 нарушено более поздним захоронением № 1 с западной ориентировкой. Именно под ним фиксировались фрагменты воронежского сосуда и части деревянного перекрытия второго погребения. Еще ниже находилась полностью разрушенная могила, перекрытая погребением 2. Это обстоятельство связано с авторской интерпретацией воронежской «реплики» из Песковского кургана.

гладким штампом и прочерчиванием [Максимов, Лопатин, 2007. С. 139, 158, рис. 1, 4]. Орнаментальная композиция как будто взята из арсенала воронежского декора: сверху оттиснуты однорядная «елочка» и горизонтальный ряд коротких вертикальных оттисков, а ниже парными линиями прочерчен фриз, состоящий из ромбов (рис. 7, 24). В целом, этот признак вполне уместно вписывается в контекст покровских погребальных комплексов первого низовского кургана, где четвертое погребение с сосудом, украшенным в воронежском стиле, было устроено в свите детских захоронений, планиграфически ориентированных на центральный, абсолютно пустой кенотаф [там же. С. 158, рис. 1, 1]. Здесь мы наблюдаем сращивание различных компонентов в ходе развития покровского керамического комплекса, где сочетаются признаки «абашево» (примесь ракушки, внутреннее ребро) и «воронежа» (яйцевидное тулово и орнамент). Отметим также, что этому сосуду, и в том же первом низовском кургане, синхронен и близок по культурному содержанию горшок из раннесрубного погребения 6 (рис. 7, 23). В данном случае мы встречаемся с ситуацией, когда воронежские реминисценции (декор по всему тулову, бахроме, характерный яйцевидный профиль) транслируются в раннесрубный пласт в ходе продолжающегося генезиса через покровский вектор.

Керамика с воронежскими признаками встречается на бытовых высокорасположенных памятниках нижневолжского правобережья. Поскольку это преимущественно фрагментированный материал, то проявляются эти признаки в характерном устройстве венчиков, а также в узнаваемых чертах декора.

На Ахматском городище, расположенном в Саратовском правобережье Волги, обнаружены фрагменты сосудов, которые практически идентичны некоторым вариантам керамики донского региона. Короткий венчик с приостренным и скошенным наружу краем, украшенный зубчатым штампом, как по внешней поверхности, так и по внутренней, соответствует характеристикам раннего воронежского комплекса (рис. 6, 4). Сложнопрофильный венчик с внутренним ребром и желобком, покрытый узкими горизонтальными валиками, на которых имеются округлые вдавления (рис. 6, 3), находит аналогии в воронежских материалах донского поселения Чижовское-5 [Пряхин, 1982. С. 105, рис. 32, 8–10].

На поселении Мартышкино, находящемся в 6 км ниже Ахмата по правому берегу Волги, также известна компактная серия фрагментов от сосудов со сложными профилями, орнаментированных в типичной поздневоронежской манере оттисками короткого гладкого штампа, в том числе и на внутренней поверхности венчиков (рис. 6, 5–7). Один из них (рис. 6, 7) своей формой уже довольно близок покровским стандартам по такому признаку, как резко отогнутый наружу желобчатый венчик с внутренним ребром.

Среди опубликованных фрагментов керамики эпохи средней бронзы Даниловского городища [Лапшин, 2003. С. 261, рис. 4, 4] заметен один экземпляр с внутренним ребром и воротничковым оформлением венчика, который украшен вертикальными короткими оттисками, выполненными концевкой гладкого штампа. В целом, отражая определенные черты воронежской орнаментации, этот фрагмент близок всем прочим сосудам микшированных серий, которые зафиксированы на Волге в финальнокатакомбных и вольско-либщенских комплексах (рис. 6, 7).

В формовке венчиковых отделов сосудов вольского, лбищенского, финальнокатакомбного, примокшанского, воронежского типов заметна общая тенденция построения сложных профилей (скошенные обрезы устья, воротнички, валики, внутренние напльвы, ребро на обратной стороне венчика, приостренный верх и т. д.). В орнаментальных комплексах сквозит общая стилистика узкозональных композиций с разделительными линиями, набранных преимущественно короткими оттисками зубчатого и гладкого штампов, пальцевыми зашипами и ногтевыми отпечатками в виде горизонтальных рядов, «елочек», короткошаговых зигзагов, зигзагов с бахромой, штрихованных треугольников. Заметно, что практически полностью отсутствуют такие элементы орнамента, как насечки.

Складывается впечатление об интенсивном взаимодействии блоков посткатакомбных и постшнуровых культур, о некоем активном движении лесостепного населения Дона в восточном направлении, сопровождавшемся взаимными аккультурациями и мозаичным распределением различных этнокультурных компонентов в пределах вмещающих ландшафтов. За внешней пестротой и яркой эклектикой керамических комплексов разнородных групп населения той эпохи, несомненно, стоит единство общеисторического явления.

О том, насколько глубокими были проникновения этого движения в восточном направлении, свидетельствуют такие же поликомпонентные комплексы керамики, выявленные на памятниках степного Заволжья, Южного Приуралья, Прикаспия и даже Устьурта. На многие находки подобного типа чаще всего не обращали внимания. К примеру, в одну из публикаций по заволжскому энеолиту попали некоторые материалы явно не энеолитического облика – фрагменты сосудов со скошенными венчиками и зашипами [Юдин, 1986. С. 44, рис. 4, 1, 6, 7], более близкие показателям воронежского и вольского типов.

В материалах рубежа средней и поздней бронзы степного Приуралья и Северного Казахстана В.В. Ткачевым выделены позднекатакомбные (Болдырево, Медведка, Герасимовский-II, Новотроицкий-I, Покровка-VIII, Турганинская) и вольско-лбищенские (Тамар-Уткуль-VII, Большой Дедуровский Мар) комплексы [Ткачев, 2007. С. 339–341, рис. 74–76], синтез которых с уральским «абашево», возможно, отчасти отражает суть активизации местного очага культурогенеза.

Керамика со сложными профилями и узкозональной орнаментацией есть в материалах условного «раннего» комплекса Кузьминковского-II поселения, исследованного в Оренбуржье [Моргунова и др., 2001. Рис. 10, 3; 11, 6]. Ранняя керамика Кузьминоок соотносится авторами с памятниками новокумакского круга, но ими отмечено также, что некоторые фрагменты с валиками [там же. Рис. 12, 3; 13, 5] могут иметь позднекатакомбное происхождение. В первоначальной публикации материалов энеолитической Кузьминковской стоянки присутствуют некоторые фрагменты керамики, весьма похожие на воронежские варианты с приостренными венчиками и узкозональным декором [Моргунова, 1986. С. 33, рис. 4, 1].

В Рын-Песках Северного Прикаспия самарские исследователи выявили целый ряд стоянок сезонного типа (Кызыл-Молла, Кошалак, Кара-Кудук,

Кара-Узек, Северный Букей, Тау-Тюбе-II, Же-Колган), где вместе с обломками полтавкинских сосудов залегала керамика вольско-лбищенского облика, имеющая много сходных черт с воронежской посудой [Васильев и др., 1986. С. 128–129, рис. 13–14]. Заметим, что и собственно полтавкинские сосуды этой коллекции нередко имеют некоторые признаки «вольска» и «воронежа» – характерные воротнички и валики, защипы, оттиски гладкого штампа, узкозональное построение орнамента и др. [там же. Рис. 2, 5; 7, 2; 8, 1; 9, 4, 15; 12, 1].

Своеобразную эклектику демонстрирует керамика «токсанбайского» типа, полученная раскопками на поселениях Северо-Восточного Устьярта [Самашев и др., 2009. С. 159–167]. Происхождение памятников Токсанбая авторы связывают с культурным импульсом из Доно-Волжского региона, в частности с трансляцией именно воронежских традиций в изготовлении керамики, в которых заметны даже иванобугорские элементы [там же. С. 166]. Действительно, венчики токсанбайских сосудов напоминают воронежские варианты своими сложными профилировками (скошенные закраины, валики, воротнички), в орнаментации присутствуют зигзаги с бахромой, косые решетки, «елочки», горизонтальные ряды коротких отрезков, заметна узкозональная организация декора. Но здесь же присутствуют многочисленные и разнообразные насечки (подтреугольные, зерновидные, овальные, линзовидные) – позднее явление для донских памятников, а также характерные для синташтинского и потаповского арсеналов ступенчатые пирамидки и меандры, что отличает «токсанбай» от «воронежа» [там же. Рис. 1, 8, 9, 17; 2, 1, 3, 5, 13, 14; 4, 5, 8]. Абсолютная дата 2133–2075 гг. до н. э., полученная по надежному материалу из слоя пожараща одного из токсанбайских комплексов, в целом соответствует времени становления синташтинской культуры, в котором население северного Устьярта, явно пришлое, имевшее колесницы, и активное в военном отношении, могло принимать непосредственное участие. Данное обстоятельство опосредованно указывает также на более ранние позиции памятников воронежской культуры Подонья и Волго-Донского междуречья, вероятно, не начало II, а последняя четверть III тыс. до н. э.

Возвращаясь к вопросу о некоторых сюжетах становления «покровска», рассмотрим наиболее заметные покровские комплексы, в керамике которых присутствуют воронежские реминисценции. В непосредственной близости от кургана Усть-Грязнухи, два погребения которого представлены в самом начале этой статьи, Д.Г. Бариновым в могильнике Советское-3 было исследовано погребение 8 кургана № 3, где обнаружен раннепокровский сосуд синкретичного облика со сложным профилем (рис. 2, 14). В характерной морфологии этого горшка отразились свидетельства чрезвычайно широкого взаимодействия лесостепных гончарных традиций – покровская абашоидность (слабожелобчатый венчик с внутренним ребром и расчески на внешней поверхности), воронежская тонкостенность тулова и короткий воротничок, фатьяноидные приземистые пропорции и шахматное построение нижнего фриза в декоре. Орнаментация в целом выполнена характернейшей покровской техникой – оттисками короткого зубчатого чекана со сдвигом, имитирующими «рамчатый» штамп иванобугорско-воронежской традиции.

Вероятно, фатьяновско-балановские импульсы в сложной векторности культурогенеза не были случайны, но южные проникновения лесных эле-

ментов порождают многие вопросы к данной специфике многокомпонентных синтезов, на которые невозможно ответить однозначно. Отдельные находки подобной керамики комментировать сложно, как, например, фрагмент сосуда из керамического комплекса Ивановского селища, в целом относящегося ко времени финальной бронзы, но, вероятно, имевшего и более ранний пласт (рис. 6, 8) [Изотова, 2001. С. 61, рис. 1, 3].

Некоторые примеры объясняются активизацией катакомбного мира в период, когда племена среднедонской катакомбной культуры вступали в контакты с населением лесного волго-окского региона. В данном контексте весьма показателен комплекс парного погребения 2 из кургана № 1, раскопанного во втором Богучарском могильнике (среднедонское правобережье). Здесь зафиксированы два сосуда, один из которых изготовлен в типично катакомбной традиции, а второй – по «опш-пандинскому» типу фатьяновско-балановского комплекса [Березуцкая, 1999. С. 65, рис. 1, 3]. Точно такой же «бомбовидный» сосуд с округлым дном зафиксирован в комплексе погребения 3 кургана № 8 из Тростянского могильника на территории саратовского Прихоперья [Хреков, 2005. С. 14, рис. 6, 4].

Для нас очень важно, что участие лесных культур, прямое или опосредованное, действительно имело место в сложных культурногенетических процессах на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Эта причастность определялась общим контекстом эпохального взаимодействия постшнурового и посткатакомбного миров. Очень многие вопросы остались без ответа, когда на севере Саратовской области, в хвалынском правобережье самарскими археологами был раскопан III Алексеевский могильник. В первой публикации [Пестрикова, 1979. С. 99–110] памятник был идентифицирован, как фатьяновский, на что указывали характернейшие украшения из бронзы, собранные в местах разрушения абразионными процессами и обнаруженные в могилах, особенно крупная очевидная подвеска из погребения 11 [там же. С. 102, рис. 3]. Керамика, обнаруженная в юго-восточной части раскопа 1, но не связанная с погребениями, отнесена к доно-волжской абашевской культуре, по известным признакам колоколовидности, наличию внутреннего ребра на обратной стороне венчиков некоторых сосудов, ракушечной примеси, но отмечена также неоднородность этого комплекса, один горшок предположительно определен как срубный. Позже могильник был отнесен к кругу памятников вольско-лбищенского типа, но отмечены также широкие контакты этой культурной группы с абашевскими, фатьяновскими и полтавкинско-катакомбными племенами [Васильев, 2003].

Оценивая материалы Алексеевского могильника в контексте поставленной проблемы, необходимо обратить внимание на следующие принципиальные обстоятельства:

– во-первых, такие важные индикаторы, как очевидные подвески, проволочные спиралевидные украшения, подвески, свернутые из плоско раскопанных узких пластин, характерны для многих культур ранней и средней бронзы на широкой территории лесной и лесостепной полосы Восточной Европы (среднеднепровская, восточно-тшинецкая, сосницкая, фатьяновская, вольско-лбищенская, абашевская, а также *воронежская*);

– во-вторых, характерные признаки керамики демонстрируют не чисто абашевский тип, а заметно микшированный, подвергшийся некоторой трансформации (соотношения широтных параметров, равномерная толщина стенок, плоские устойчивые, а не уплощенные, днища сосудов), что позволяет квалифицировать его как раннепокровский, с присутствием *воронежских* элементов (характерная форма венчика с приостренным и скошенным краем устья сосуда № 9) [Пестрикова, 1979. С. 101, рис. 2, 8];

– в-третьих, погребальная обрядность Алексеевского могильника вряд ли монокультурна, судя по широкому разнообразию поз и ориентировок, здесь зафиксированы признаки, которые могут соответствовать обрядовым показателям абашевской, катакомбной, криволукской, бабинской, срубной культур, не исключается и фатьяновская ритуалистика.

Представляется, что как никакой другой памятник этого типа, грунтовый могильник на правом берегу Волги близ хвалынской Алексеевки отражает суть переходного времени на переломе эпох средней и поздней бронзы, в нем отчасти запечатлены сложные и скоротечные⁶ процессы активизации культурогенеза с участием абашевского или абашевско-воронежского (одного из вариантов раннего покровска), фатьяноидного, возможно, посткатакомбного (бабинского или криволукского) компонентов. Оценивать подобные процессы возможно исключительно в контексте анализа культурных блоков.

Давно и широко известный комплекс (погребение 2, курган № 15) с ранним наконечником копья абашевского типа из Покровского курганного могильника содержал также оригинальный сосуд с декором, выполненным в поздневоронежской традиции (рис. 2, 15). Варианты изображений этого горшка в большинстве из известных мне публикаций страдают неточностями [Памятники..., 1993. С. 145, табл. 15, 32; Дремов, 2003. С. 90, рис. 1, 3-А; Горбунов, 1985. С. 13, рис. 6, 9]. Принципиально важные особенности строения венчика и элементов орнамента нашего сосуда на них трудноразличимы. Исключением является рисунок в статье Н.М. Малова, где точно показан сложный профиль венчика⁷ и верно изображен «ногтевой» орнамент [Малов, 2003. С. 212, рис. 6, 1]. Действительно, анализ этого артефакта, хранящегося в фондах СОМК, показал, что четыре ряда оттисков в широком фризе, занимающем верхнюю часть сосуда от края устья до максимального расширения тулова, выполнены ногтевыми вдавлениями, образующими овальные лунки⁸. Подобные монотонные композиции, набранные ногтевыми оттисками, пальцевыми зажимами и прочими вдавлениями, очень характерны для поздневоронежского декора. Они неоднократно отмечены в материалах донских посе-

⁶ По всей вероятности сосуды с примесями шамота, обнаруженные на участке жертвоприношений, фиксируют самый поздний пласт Алексеевского могильника, продолжавшего функционировать и на этапе стабилизации культурогенеза, в ходе становления срубной культуры.

⁷ Короткий вертикальный венчик выделен с внутренней стороны заметной гранью, и ее прообразом, несомненно, является внутреннее ребро абашевской традиции. Различие вариантов и нивелировка этого признака отражали внутренние тенденции развития покровского керамического комплекса.

⁸ Подобные элементы орнамента не редки в арсенале срубного керамического комплекса, но широкими фризами они не представлены. При нанесении такого оттиска нажим на необожженную глиняную фактуру производится под углом относительно поверхности украшаемого сосуда.

лений Чертовицкое, Сенное, Чижовское-5, Малое Боршевское, Воргольское [Пряхин, 1982. Рис. 26, 11, 27, 4, 10; 29, 6; 32, 10; 35, 12; 38, 6, 7, 18]; Мостище-I, Аверино [Синюк, Березуцкий, 2001. Рис. 24, 2; 33, 2, 5; 60, 3-6].

Данный вариант сосуда весьма заметен, поскольку его форма и декор в рамках покровского комплекса едва ли не уникальны. Но показательно, что на следующем этапе монотонность орнамента в срубном декоре, набранного одинаковыми элементами и расположенного в один, два, и более, опоясывающих рядов, становится обычным явлением. Военский комплекс погребения 2/15 ярко синкретичен, – в нем соединились покровский обряд (лево-бочная скорченность, северная ориентировка, расположение скелета у западной стенки обширной прямоугольной могилы), бронзовый наконечник копья с раскованной втулкой абашевского типа, оригинальный сосуд с воронежскими реминисценциями в орнаменте.

Подобный вариант синкретизма (соединение элементов тех же самых культур) не так давно зафиксирован в престижном воинско-колесничном кенотафе у с. Большой Пластицы Липецкой области [Мельников, 2003. С. 239–247]. В едином обрядово-инвентарном комплексе кургана сочетаются типично покровский бронзовый наконечник копья, литая втулка которого оснащена манжетой и ушком, костяные детали деревянного дисковидного псаля, лепные сосуды с чертами «покровска» [там же. Рис. 2, 7], «абашево» [там же. Рис. 2, 6; 3, 2] и «воронежа» [там же. Рис. 2, 5], изготовленные по общей технологии с примесью толченой раковины. Здесь же присутствует поясная пряжка бабинского типа с двумя малыми боковыми отверстиями [там же. Рис. 2, 2], и это еще более расширяет межкультурный аспект взаимодействия на фазе всплеска культуросинтеза, порождая, правда, дополнительные вопросы о соотношении во времени и пространстве бабинской и поздней среднедонской катакомбной культур.

Катакомбные («елочные») элементы орнаментации также отмечались в раннепокровских керамических комплексах. Как правило, они оцениваются в качестве реминисценций предшествующей эпохи. В заволжской Терновке разреженный «елочный» орнамент по всему тулову сочетается с типично покровской формой сосуда, выполненной в видоизмененной абашевской традиции (колоколовидность, внутреннее ребро, ракушечная примесь) [Памятники..., 1993. С. 135, табл. 5, 19].

Но еще более показательным в данном контексте является синкретичный комплекс из кургана № 4, исследованного в могильнике Широкий Карамыш 2 (рис. 4, 1–4) [Дремов и др., 2005. Рис. 8, 11]. В этих сосудах со сложными многочастными профилями как бы застыл причудливый сплав трех ведущих традиций, определявших специфику формирования «покровска»: *абашевской* (общая колоколовидность, миниатюрные ритуальные сосудики, ракушечная примесь), *катакомбной* («елочный» орнамент по всему тулову), *воронежской* (формовка венчиков, техника нанесения орнамента и некоторые особенности его организации). Воронежская специфика проявляется здесь в широком фризе подтреугольных оттисков, явно имитирующих ног-

тевые вдавления (рис. 4, 1)⁹, в неудачной реплике паркетной композиции на одном из ритуальных сосудов (рис. 4, 3), в характерной тонко прочерченной технике и сюжетном воплощении некоторых орнаментов (рис. 4, 2, 4). Сращивание культурной специфики проявляется, например, в удлинении звеньев елочного декора (рис. 4, 1, 4), катакомбного по сути, но воронежского по исполнению.

Подобные тенденции неожиданно всплывают в комплексах приуральской абашевской культуры. Крайне редкие проявления катакомбно-воронежского и вольско-лбищенского характера в орнаментах отдельных сосудов, представляют эти экземпляры как, с первого взгляда, нетипичные для восточного абашевского ареала, но ставят новые вопросы к проблемам поликомпонентности волго-уральского культурогенеза, характера и направленности культуртрегерских векторов. Таков, к примеру, фрагмент сосуда из погребения 1 кургана № 1 Чукраклинского могильника (рис. 7, 25) [Васюткин и др., 1985. С. 72, рис. 3, 8]. Это был горшок со сложным профилем венчика и узкозональным орнаментом, выполненным в «елочном» стиле, но с разделительными горизонтальными линиями. Первый чукраклинский курган с каменной кольцевой выкладкой вокруг единственной могилы, по всей вероятности, был либо кенотафом, либо начисто ограблен, поскольку ни одной целой вещи, ни костей погребенного здесь человека не найдено. Кроме уже отмеченного, опубликован найденный в могиле фрагмент еще одного сосуда, округлобокого, с коротким отогнутым наружу венчиком и внутренним ребром, орнаментированного в абашевском волго-уральском стиле [там же. С. 74, рис. 4, 4]. Любопытно, что в насыпи этого кургана найден кремневый наконечник стрелы позднекатакомбного типа с выемчатым основанием и удлиненными жальцами [там же. Рис. 4, 12]. Это обстоятельство еще более подкрепляет предположение о синкретичности данного погребального комплекса, в котором, возможно опосредованно через катакомбный импульс, отражены вольско-воронежские черты.

Думается, что несколько иной, новый взгляд на хорошо известные и полувыведенные освещение в печати материалы покровских комплексов доново-уральского и волго-уральского регионов позволит на уровне микросрезов выделить многие поликультурные особенности формирования «покровска». Интересующий нас воронежский культурообразующий вектор чаще всего присутствовал в этих процессах как транслированные и временно фиксированные наборы незначительных реплик. В археологических материалах они могут проявляться отдельными чертами погребальной обрядности, некоторыми предметами инвентаря, но в большей степени в керамике – самом чутком реагенте культурных трансформаций. Порой они едва уловимы, как, например, на сосуде покровского типа с характерным сложным профилем из Нижней Красавки (рис. 7, 7) [Лопатин, 2010а. С. 151, рис. 4, 7], или позднепокровском горшке из Преображенки-I (рис. 7, 6) [Лопатин, 2002. Рис. 12, 23], в котором сочетаются колоколовидность, ракушечная примесь, петровско-алакульский каннелюр на шейке, а в качестве воронежских реминисценций,

⁹ По этому признаку сосуд из Широкого Карамыша (к. 4, тризна № 2) близок горшку из Покровского могильника (2/15).

– сложный венчик и шахматное размещение треугольных оттисков на тулове. На других сосудах покровского типа из Преображенки зафиксирован такой присущий «воронежу» признак, как орнаментация обратной стороны венчика [там же. Рис. 12, 8, 11, 13]. Сплыв традиций в данном случае также инициирован позднекатакомбным импульсом, реликты которого отмечены в Преображенке в виде фрагментов керамики с кольцевидными оттисками, отпечатками перекрученного шнура, фестонами и «елочкой» [там же. Рис. 12, 1-5, 17-19]. Наконец, в основном захоронении (3/2) курганного некрополя Преображенки, при скорченном, с западной ориентировкой, скелете взрослого человека зафиксирован сосуд, форма которого и паркетный орнамент также близки покровско-воронежским показателям [Лопатин, Филимонова, 2003. С. 251].

Неоднократно отмечалось, что истоки представленных явлений следует искать в сложно диагностируемых процессах развития лесостепных энеолитических культур обширного Волго-Донского региона, изучение которых вскрыло множество проблем преемственности в культурогенезе. Ведущая роль на юге Восточной Европы в эпоху раннего энеолита принадлежала культурам мариупольского круга (нижнедонская, азово-днепровская, прикаспийская, самарская), которые оказывали заметное влияние на лесостепные районы от Среднего Дона до Волго-Камья. Именно здесь лесным населением, экономическую основу которого составляло *присвоение* природных ресурсов, воспринимались передовые скотоводческие традиции, транслируемые активными степными племенами – носителями культур воротничковой керамики. В результате последовали трансформации местных неолитических комплексов. Формированием памятников русско-азийского типа в Среднем Поволжье отмечены изменения в камской неолитической культуре [Васильев, Габяшев, 1982. С. 5], к западу от Волги, сложившаяся на основе нижнедонской азово-днепровская энеолитическая культура оказывала заметное влияние на днепро-донецкий регион [Котова, 1989. С. 26]. Эти настойчивые трансляции уже тогда порождали причудливую эклектику в керамических комплексах культур буферной лесостепной зоны. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы многослойной Черкасской стоянки, исследованной на Среднем Дону в Воронежской области, где отмечено взаимодействие между нижнедонской энеолитической и местной среднедонской неолитической культурами. В результате этого контакта сформировался своеобразный «черкасский» керамический комплекс, в сосудах которого сочетаются воротничковое оформление венчика и накольчато-ямочная орнаментация [Васильев, Синюк, 1984. С. 118-121].

Столь глубокие экскурсы в древнейшие процессы взаимодействия степных и лесных культур необходимы, чтобы понять слишком широкое и причудливое разнообразие лесостепной керамики эпох ранней и средней бронзы. Вероятно, высокое процентное содержание воротничковых форм в это время имеет весьма архаичные истоки и связано с наследованием этой традиции от раннеэнеолитических степных культур. Степь продолжала оказывать свое влияние на эти субстраты и в дальнейшем. Под воздействием репинской культуры и репинско-ямного деривата на Среднем Дону складываются комплексы иванобугорского типа. А.Т. Синюк и И.Б. Васильев

рассматривали этот генезис как трансформацию гончарных традиций пришлых репинских групп населения в результате взаимодействия с лесными поздненеолитическими племенами [Васильев, Синюк, 1984. С. 125]. Примечательно, что как в репинском, так и в иванобугорском комплексах керамики присутствуют сосуды с венчиками сложных многочастных профилей.

В то же самое время на обширной территории степного Заволжья и лесостепного правобережья на смену памятникам хвалынской энеолитической культуры приходят синкретичные комплексы алтагинского и алексеевского типов, сложившиеся в результате не вполне ясных процессов взаимодействия степных и лесных племен на рубеже энеолита-бронзы. По мнению И.Б. Васильева и Р.С. Габышева в сосудах Алексеевской стоянки с одной стороны проявляются черты ранних ямных традиций, а с другой – заметные признаки волосовской керамики [Васильев, Габышев, 1982. С. 10]. В первой публикации материалов алексеевского типа была отмечена близость этих памятников керамике Алтаты и Среднего Стога-II по характерному устройству венчиков (резкие профили с загибом внутрь края устья) и сходство с северными комплексами по орнаментации [Васильев, Непочатых, 1977. С. 66–76]. Местонахождения такой и подобной керамики отмечены также у Старой Яблонки и Ивановки на севере Саратовской области, возле Старой Елшанки на р. Самаре, в урочище Мартышкино на юге Саратовского правобережья (рис. 6, 1). Керамика алексеевского типа, действительно, весьма своеобразна, и для нас особенно важно, что, как и в репинско-иванобугорских вариантах, здесь особенно выпукло представлен наш искомый признак – сложный многочастный профиль сосуда [Васильев, Непочатых, 1977. С. 68, рис. 1, 1–4, 9, 15]. Вероятно эти позднэнеолитические памятники когда то довольно плотно распределялись вдоль правого берега Волги, в лесостепном сложнопересяченном ландшафте с байрачными лесами, но к настоящему времени большинство из них разрушено абразионными процессами.

Мы видим, что керамическая традиция лесостепного доно-волжского региона, вырабатывала свой ярко выраженный эклектизм на протяжении длительного времени от раннего энеолита до рубежа средней и поздней бронзы. Воронежский комплекс занимает в этих процессах на Среднем Дону финальную позицию. Его формирование – результат таких же сложных процессов взаимодействия местных культур пережиточного энеолита, среди которых наиболее заметно участие памятников иванобугорского типа, со среднедонской катакомбной культурой.

Параллельно, на волжском правобережье, задержавшиеся в развитии пережиточно-энеолитические культуры круга Алексеевки и Вольска испытывали последовательное влияние поздней, полтавкинской, средне-донской и волго-донской катакомбных культур. В результате алексеевский культурный тип оказывается полностью сnivelированным, а на основе памятников вольского типа формируются лбищенский и примокшанский комплексы.

Дальнейшие процессы трансформации воронежского и вольско-лбищенского субстратов связаны с активизацией доно-волжской абашевской культуры, а также с экспансиями позднекатакомбных и посткатакомбных культур, оставивших в регионе памятники круга «бабино – кривой луки». В это время наблюдается одна из пиковых фаз культурогенеза на широчайшей

территории от Среднего Дона до Зауралья, распространяются комплексы бронзового оружия и колесницы, быстро формируются культуры, усиливающие активизацию политогенеза (Синташта, Потапово, Новый Кумак, Петровка, Покровск).

В сложении памятников покровского типа отразились драматические процессы взаимодействия, с неравнозначными долями участия, таких культур эпохи средней бронзы, как доно-волжская абашевская, *воронежская*, поздняя среднедонская катакомбная, вольско-лбищенская, ранняя бабинская. В ходе становления и развития покровский комплекс, в котором доминируют генетические признаки абашевской культуры, сосуществует и взаимодействует с поздними абашевско-воронежскими, бабинскими, потаповскими, синташтинскими, криволукскими комплексами. Различающиеся по содержанию, но ориентированные в одном направлении векторы этих взаимодействий, уже в рамках позднего бронзового века, к середине II тыс. до н. э., приводят к формированию своеобразных, но единых в культурно-историческом контексте локальных вариантов срубной культуры.

Этот заключительный абрис некой перспективы дальнейших исследований, разумеется, не бесспорен, и каждая заявленная фраза требует своих доказательств. Поэтому отметим пока, что роль лесостепной воронежской культуры в интеграционных процессах, приведших на рубеже средней и поздней бронзы к формированию памятников покровского типа, была существенной, а сами воронежские признаки отмечены на широчайшей территории вплоть до Устьурта и, как яркий индикатор, подтверждают активное участие волгодонского населения в ключевых событиях культурогенеза начала II тыс. до н. э.

Литература:

Баринов Д.Г. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Березуцкая Т.Ю. Погребение среднедонской катакомбной культуры с сосудом фатьяновско-балановского облика // Археология центрального черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1999.

Беседин В.И. Городище у с. Сенное // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.

Васильев И.Б., Непочатых В.А. Новая стоянка в Хвалынском районе Саратовской области // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф. Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Васильев И.Б. Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пшеничниок А.Х. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы эпохи бронзы лесостепной полосы Приуралья // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.

Дворниченко В.В., Лопан О.В., Мимоход Р.А. Курганный могильник Песковка-I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград 2006. Вып. 3.

Дремов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Дремов И.И., Семенова И.В. Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.

Дремов И.И. Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы (особенности покровской группы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Дремов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В. Курган у с. Широкий Карамыш с покровскими и катакомбными признаками // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.

Изотова М.А. Керамика эпохи поздней бронзы поселения Ивановка // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4.

Котова Н.С. Раннеэнеолитическая керамика Среднего Дона // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Котова Н.С. Керамика ранней азово-днепровской культуры // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. М., 1972.

Лапшин А.С. К вопросу о городищах эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6.

Лопатин В.А. Классификация керамики Преображенского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.

Лопатин В.А. Отчет об археологических исследованиях поселения Мартышкино. Саратов, 1992. // Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Отчет об археологических исследованиях поселения Мартышкино в 1993 году. Саратов, 1993. // Архив ИА РАН.

Лопатин В.А., Филимонова С.А. Курганный некрополь Преображенского поселения // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003.

Лопатин В.А. Отчет об археологических раскопках кургана на р. Мокрая Песковатка и поселения в урочище «Мартышкино» в Саратовской области в 2005 году (по открытому листу № 247). Саратов, 2006. Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.). Саратов, 2010.

Лопатин В.А. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007–2009 годов) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010а. Вып. 8.

Максимов Е.К., Лопатин В.А. Материалы Низовских курганов // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.

Малов Н.М. О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991.

Малов Н.М. Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992а.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992б. Вып. 3.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г. Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7.

Малов Н.М., Сергеева О.В. Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. Вып. 8.

Мальшев А.Б. Исследования Алексеевского городища в 2006 году // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Матвеев Ю.П. История населения среднедонской катакомбной культуры // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982.

Матвеев Ю.П., Тихонов Б.Г. Исследование могильника у с. Караяшник // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1984.

Мельников Е.Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Плавица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологический збірник. Донецьк, 2009–2010. № 13/14.

Моргунова Н.Л. Кузьминковская стоянка эпохи энеолита в Оренбургской области // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., Халяпина О.А. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2001. Вып. V.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Вып. В 1–10. Саратов, 1993.

- Погорелов В.И.* Поселение Терновое в лесостепном Подонье // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.
- Пряхин А.Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.
- Пряхин А.Д. Беседин В.И.* О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. 1988. № 3.
- Пряхин А.Д. Беседин В.И.* Воронежская культура средней бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск, 1988а.
- Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н.* Поселения токсанбайского типа на Северо-Восточном Устурте // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009.
- Синюк А.Т.* Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. 1984. № 3.
- Синюк А.Т.* Нижнесторожовская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993.
- Синюк А.Т.* Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999. Вып. 13.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.
- Скарбовенко В.А.* Погребальный комплекс начала эпохи поздней бронзы Владимировка-II // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.
- Степанов П.Д.* Вольское городище // Труды СОМК. Саратов, 1956.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Хреков А.А.* Тростянский курган и некоторые вопросы древней истории Волго-Донского лесостепного междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Юдин А.И.* Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.
- Юдин А.И.* Исследование курганов эпохи средней бронзы у с. Шумейка Энгельсского района // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.

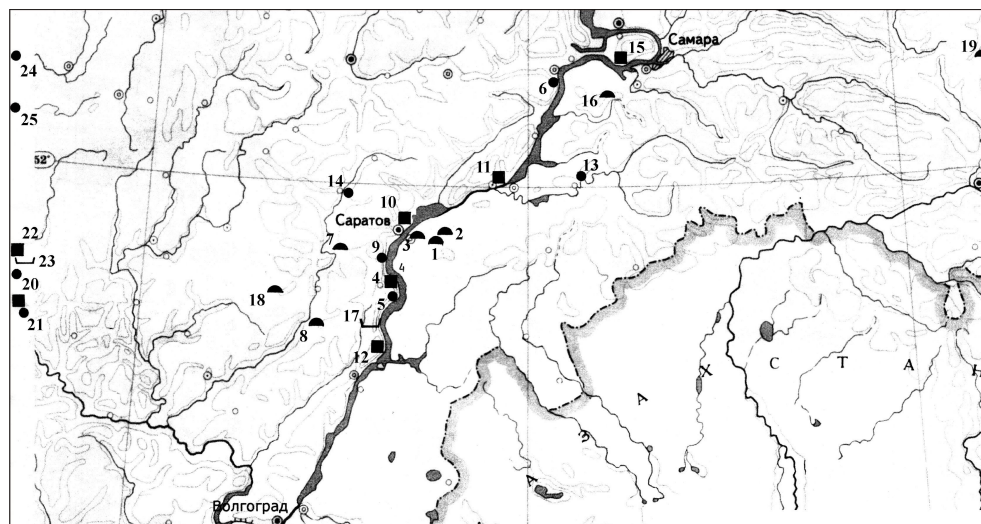

Рис. 1. Территориальное распространение памятников, в которых обнаружены сосуды с многочастными профилями:
 1 - Грязнуха; 2 - Советское; 3 - Покровск; 4 - Ахмат; 5 - Мартышкино; 6 - Ивановка;
 7 - Широкий Карамыш; 8 - Песковка I; 9 - Сосновка I; 10 - Алексеевское;
 11 - Вольское (Попово Блюдечко); 12 - Даниловское; 13 - Преображенка-I;
 14 - Нижняя Красавка-II; 15 - Лбище; 16 - Владимировка-II; 17 - Белогорское; 18 - Низовка;
 19 - Чукраклинский; 20 - Мостище; 21 - Аверинское; 22 - Животинное;
 23 - Архангельское; 24 - Шиловское; 25 - Воргольское.

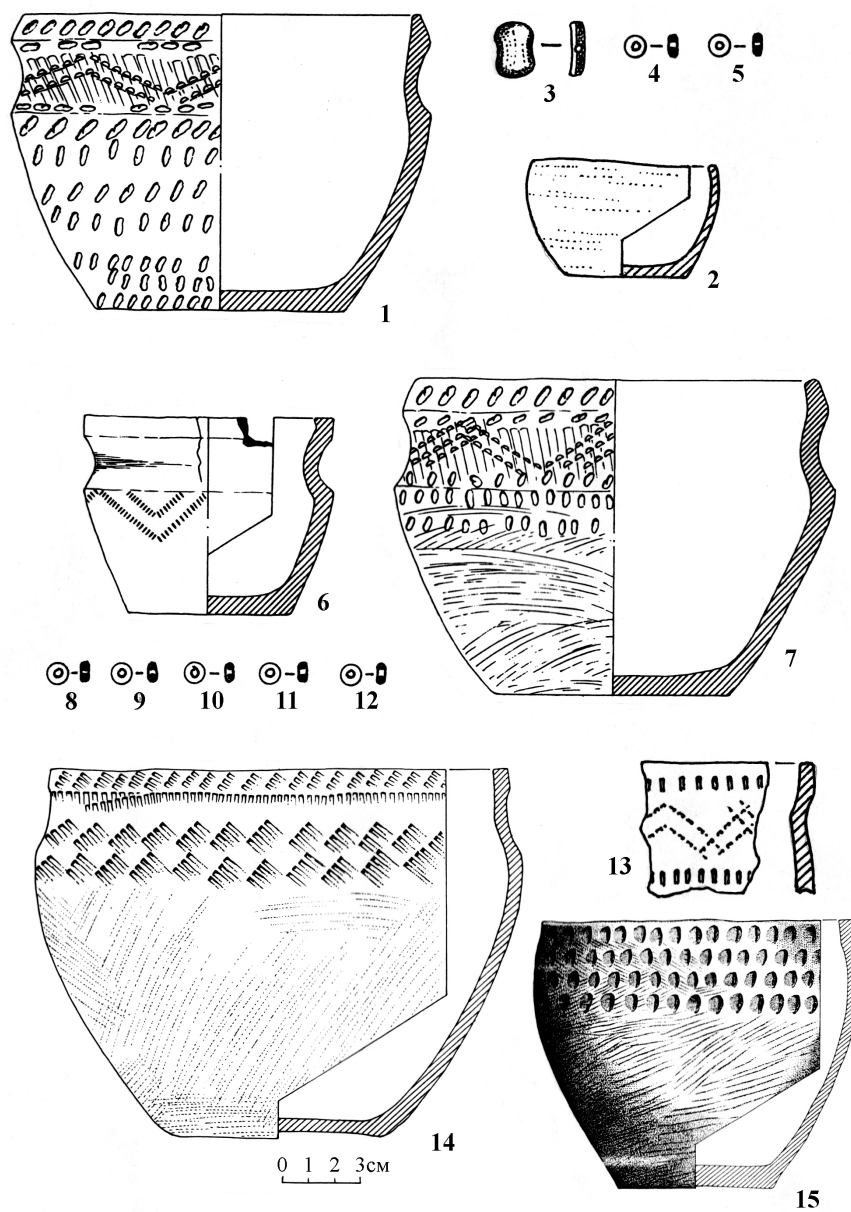

Рис. 2. Сосуды с многочастными профилями и другими воронежскими признаками из покровских погребений Заволжья:
 1-5 - Грязнуха, погр. 3; 6-12 - Грязнуха, погр. 4; 13 - Грязнуха, насыпь;
 14 - Советское, курган 3, погр. 8; 15 - Покровск (юго-восточная группа), курган 15, погр. 2.

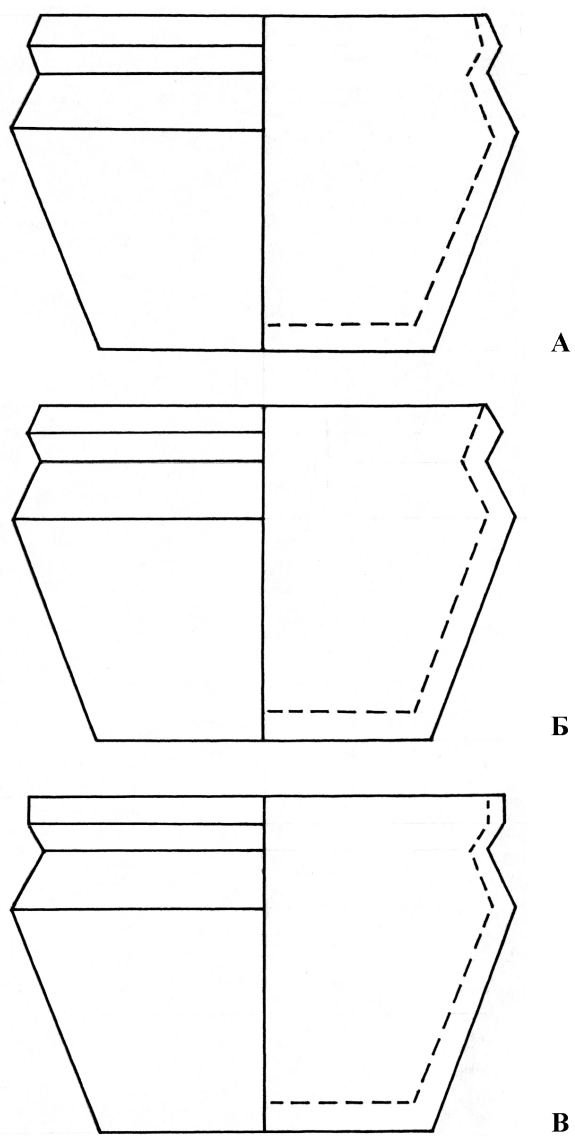

Рис. 3. Варианты сосудов с многочастными профилями (геометрические модели).

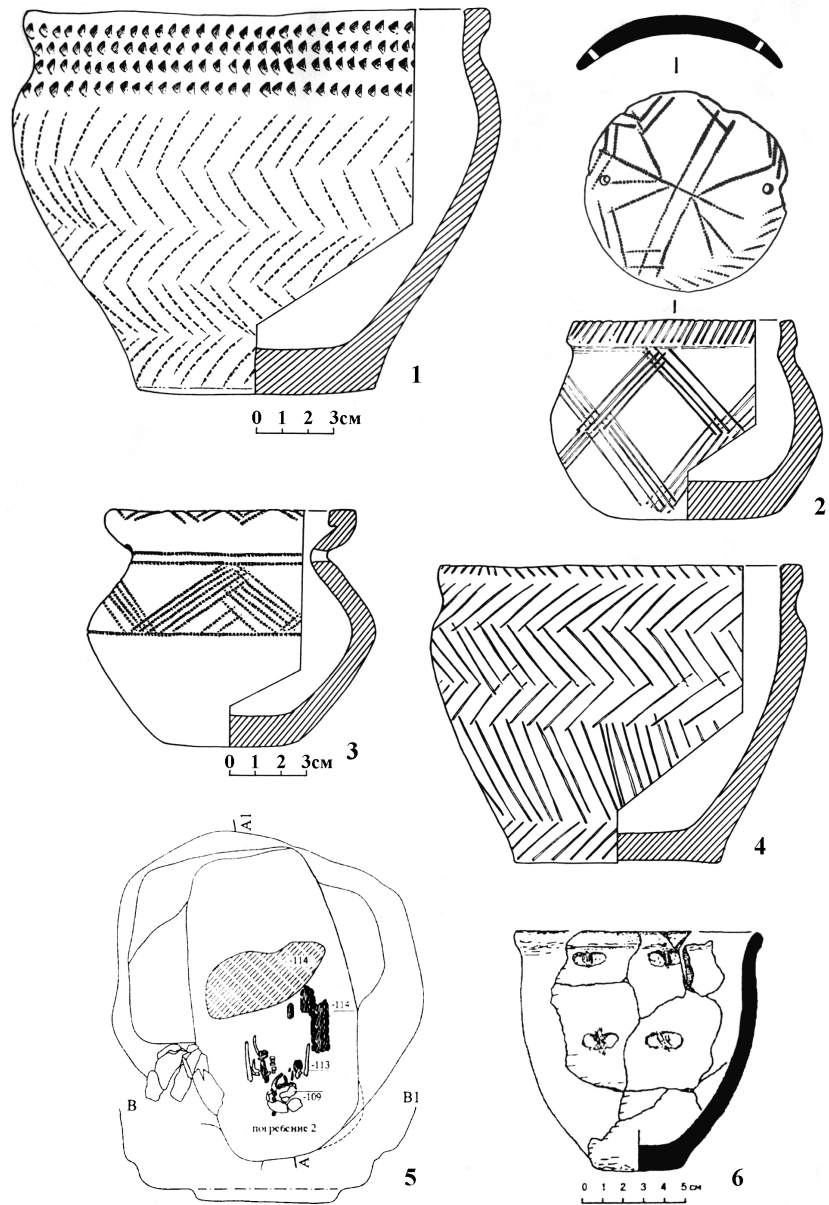

Рис. 4. Сосуды с многочастными профилями из покровских погребений Широкого Карамыша (1-4) и комплекс погребения Воронежской культуры из Песковки (5-6).

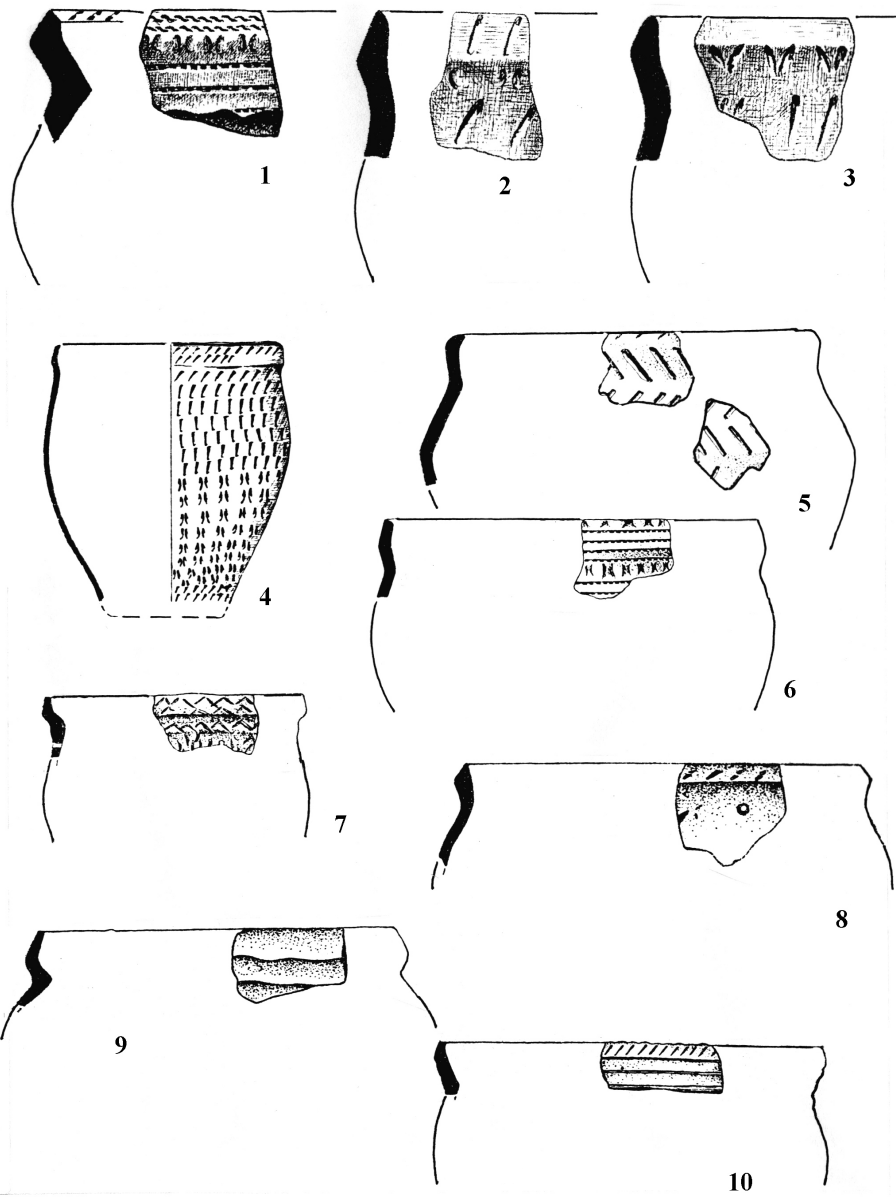

Рис. 5. Сосуды с многчастными профилями из донских памятников Воронежской культуры:
 1, 2 - Мостище; 3 - Аверинское; 4, 5 - Животинное; 6 - Архангельское;
 7, 10 - Шиловское; 8 - Елецкое; 9 - Воргольское.

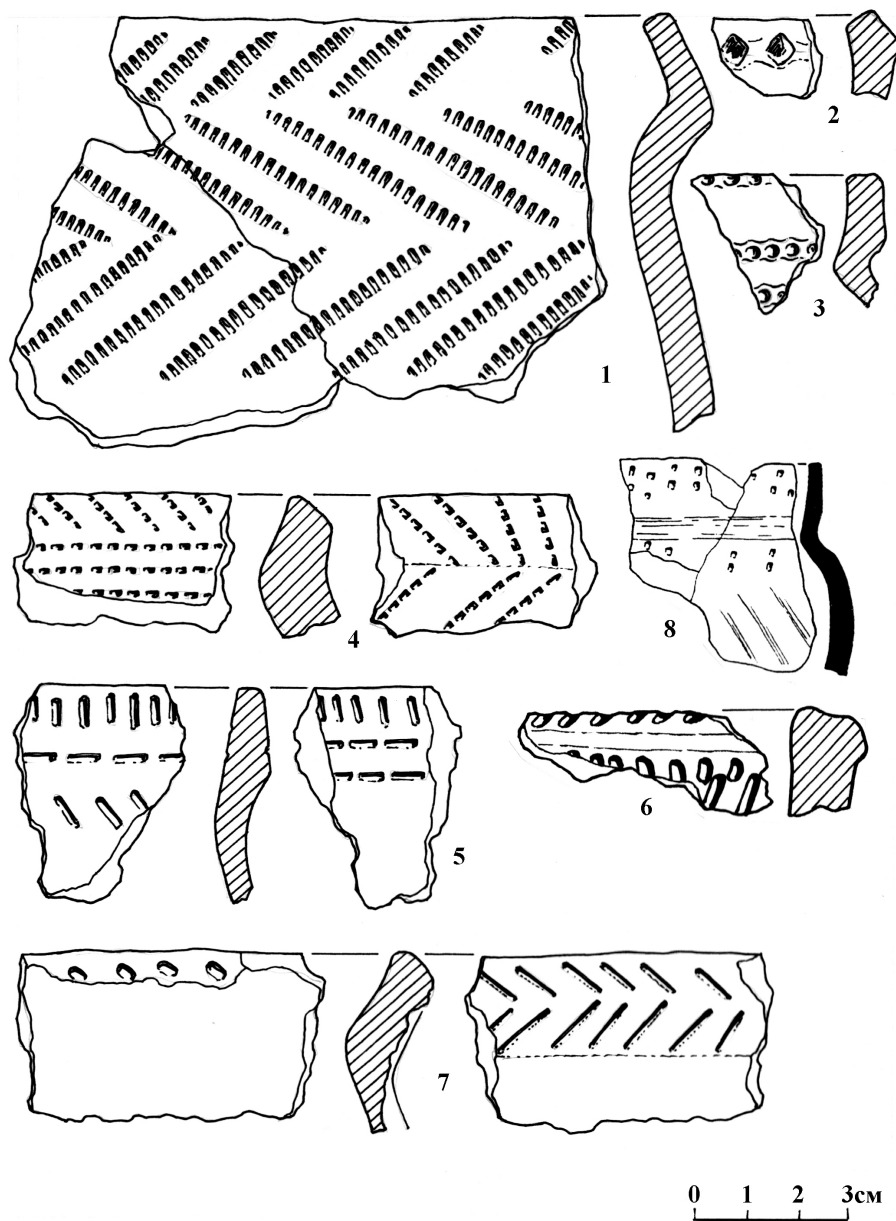

Рис. 6. Сосуды с многочастными профилями из правобережных памятников Поволжья: 2-4 - Ахмат; 1,5-7 - Мартышкино; 8 - Ивановка.

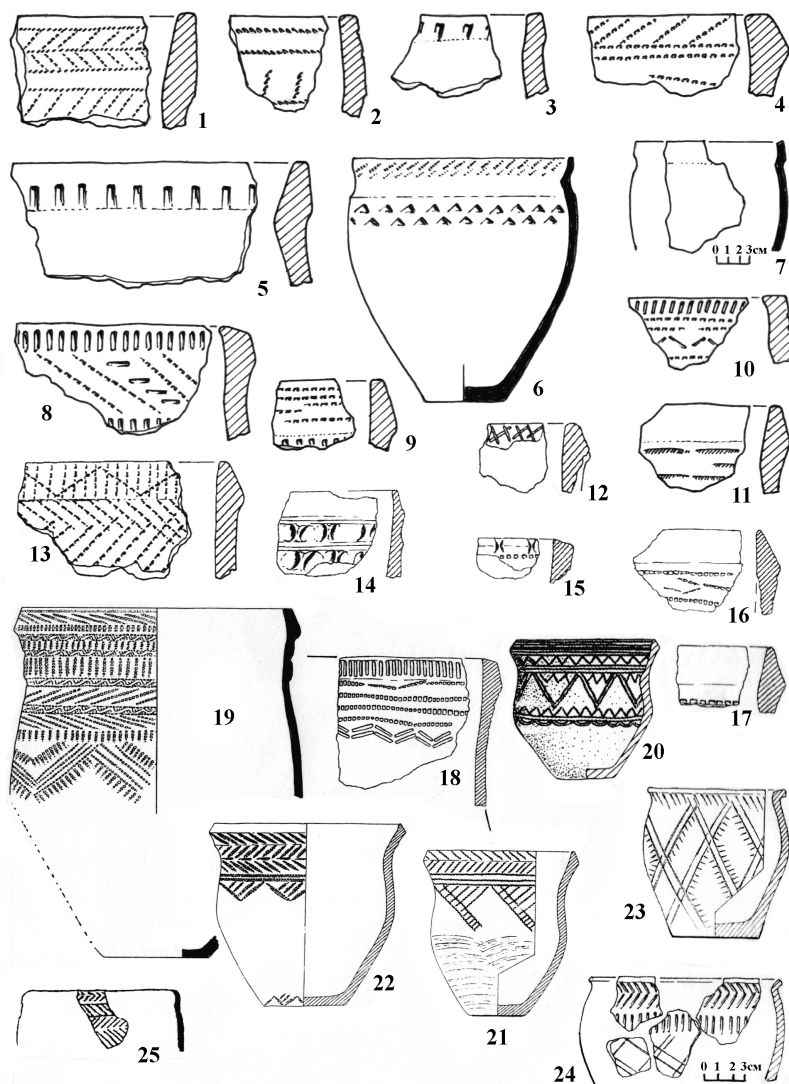

Рис. 7. Сосуды с многочастными профилями и другими воронежскими признаками из памятников Волго-Уралья:
 1, 2 - Сосновка-I (по Н.М. Малову); 3, 12, 13 - Алексеевское городище (по А.Б. Малышеву);
 4, 14, 18 - Вольское городище (по Н.М. Малову); 5 - Даниловское; 6 - Преображенка-I;
 7 - Нижняя Красавка-II; 8-11 - Лбище (по И.Б. Васильеву); 19 - Владимировский-II;
 20, 21 - Белогорское (по И.И. Дремову); 22 - Советское (по Д.Г. Баринову);
 23, 24 - Низовка; 25 - Чукраклинский.